

Ф. Ницше о «свободных умах»

Введение. Тема «свободных умов», которую Ф. Ницше разрабатывал на протяжении философской деятельности, занимает важное место в его творческом наследии. В определенном смысле она является дальнейшим развитием учения Платона о «подлинном философе», носителе образцового благочестия и разума. Посредством мыслительных конструктов «свободный ум», «познающий человек», «теоретический человек», «свободный философ», «Заратустра» Ф. Ницше не только глубоко и полно показал созидательное начало творческих личностей, но и раскрыл сложное, порой трагическое жизненное их бытие, потому что нередко писал о себе. **Цель исследования** – проследить содержательную эволюцию этой немаловажной темы в философии и жизни немецкого философа. **Материалы и методы.** Источниковой базой исследования служили труды Ф. Ницше. В ходе работы был использован метод тематического культурологического анализа, который позволяет отслеживать содержательное развитие главных философских тем, их смысловые взаимосвязи в концептуальных построениях философа. Также был использован метод экзистенциально-трансцендентального анализа, с помощью которого открывалась возможность изучать жизненные условия и духовные устремления немецкого философа. **Обсуждение.** «Свободным умам» всегда приходится доказывать право на существование. В отличие от «связанных умов» они должны стремиться к освобождению от мелочных связей и отношений в обыденной жизни. В облике Заратустры Ф. Ницше создал почти аскетический образ «свободного ума», который «палимый солнцем» в пустыне, «голодный, сильный и одинокий» «разбивает себе сердце». Если для Платона высшей способностью человека выступал его разум, который обеспечивал трансцендентальное познание метафизического бытия, то для Ф. Ницше таковым было волевое начало. Пережить «великий разрыв» – универсальный закон для всех «свободных умов», открытый Ницше. Он запечатлел момент «рождения» «свободного ума», первотолчок, который в значительной мере предопределяет его дальнейший жизненный путь. Духовное одиночество и независимость – неперемное условие жизни «свободного ума». Последней фазой формирования «свободного ума» становится осознание своей судьбы одинокого странника, предназначенного и обреченного творить новые истины, ценности и представления. **Результаты исследования.** Великий философ Ф. Ницше всегда был трансцендентальным человеком, подлинным «свободным умом», что предопределило глубину его философской мысли. В последние годы философской деятельности у него начали набирать силу нигилистические умонастроения, что привело к обострению конфликта в психике. Поэтому учение о «свободном уме» является одним из главных философских достижений Ф. Ницше.

Ключевые слова: «подлинный философ», «свободный ум», трансцендентальный человек, жизненный мир, трансцендентальный экзистенциалист.

Для цитирования: Мешков В. М. Ф. Ницше о «свободных умах» // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 415–432. DOI: 10.15507/2078-9823.52.020.202004.415-432.

Vaycheslav M. Meshkov

Korolenko Poltava National Pedagogical University
(Poltava, Ukraine), e-mail: slava.home@gmail.com

Friedrich Nietzsche about “the Free Minds”

Introduction. The theme of “free minds”, which Nietzsche developed during his philosophical career, occupies an important place in his creative heritage. In a sense, it is a further development of Plato’s doctrine of the “true philosopher”, the bearer of exemplary piety and reason. By means of mental constructs “free mind”, “knowing man”, “theoretical man”, “free philosopher”, “Zarathustra” F. Nietzsche not only deeply and fully showed the creative principle of creative personalities, but also revealed the complex, sometimes their tragic life, because he often wrote about himself. The aim of the study is to trace the meaningful evolution of this important topic in the philosophy and life of the German philosopher. **Materials and Methods.** The works of F. Nietzsche served as the source of the research. In the course of the work, the method of thematic cultural analysis was used, which makes it possible to track the meaningful development of the main philosophical themes, their semantic interrelationships in the conceptual constructions of the philosopher. And also, the method of existential-transcendental analysis was used, with the help of which the opportunity opened up to study the living conditions and spiritual aspirations of the German philosopher. **Discussion.** “Free minds” always have to prove their right to exist. Unlike “bound minds”, they should strive to free themselves from petty connections and relationships in everyday life. In the guise of Zarathustra, F. Nietzsche created an almost ascetic image of a “free mind” that “scorched by the sun” in the desert, “hungry, strong and lonely” “breaks his heart”. If for Plato the highest ability of a person was his mind, which provided transcendental knowledge of metaphysical being, then for F. Nietzsche this was the volitional principle. Surviving the “great break” is a universal law for all “free minds” discovered by Nietzsche. He captured the moment of the “birth” of the “free mind”, the initial impulse, which will largely determine his further life path. Spiritual loneliness and independence are an indispensable condition for the life of a “free mind”. The last phase in the formation of a “free mind” is the realization of his fate as a lonely wanderer, destined and doomed to create new truths, values and ideas. **Results.** The great philosopher F. Nietzsche has always been a transcendental person, a genuine “free mind”, which predetermined the depth of his philosophical thought. In the last years of his philosophical activity, nihilistic attitudes began to gain strength, which led to an exacerbation of the conflict in his psyche. Therefore, the doctrine of the “free mind” is one of the main philosophical achievements of Friedrich Nietzsche.

Keywords: “true philosopher”, “free mind”, transcendental man, life-world, transcendental existentialist.

For citation: Meshkov V. M. Friedrich Nietzsche about “the Free Minds”. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2020; 20(4): 415–432 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.052.020.202004.415-432.

Введение

Если скользить по поверхности текстов позднего Ф. Ницше (1886–1888) в рамках сложившейся традиции их оценки, то он предстанет отчаянным воителем-разруши-

телем, провозгласившим себя имморалистом, жестким критиком предшествующей «метафизической философии», острие копы которой было направлено прежде всего на основателя трансцендентального

дискурса в западноевропейской философии – Платона. В предисловии к книге «По ту сторону добра и зла» он утверждал, что «мы и должны вместе с тем признать, что самым худшим, самым томительным и самым опасным из всех заблуждений было до сих пор заблуждение догматиков, именно, выдумка Платона о чистом духе и о добре самом по себе» [3, т. 2, с. 240]. Когда я освободился от устоявшихся стереотипов интерпретации его философских воззрений, мне открылся совсем другой, трансцендентально устремленный к самым последним высотам европейского Духа Ницше. Для меня вдруг проявилась родственность, казалось, несовместимых душ Платона и Ницше [2]. Они оба были великими философами-поэтами, а также великими исповедниками, потому что каждое произведение и все их творчество было одной большой исповедью длиною в жизнь. Если в философии Платона одним из главных было учение о метафизическом бытии и трансцендентальном человеке, то самым главным достижением философии Ницше были не учения о воле к власти, вечном возвращении, которые при всех немалых усилиях ему так и не удалось продуктивно разработать, а идея ценностного подхода и учение о «свободных умах». Последнее представляет собой органическое продолжение и развитие учения Платона о подлинном философе, что я постараюсь показать в исследовании.

В книге «Человеческое, слишком человеческое» Ф. Ницше развивал учение о «свободных умах». Он писал: «Свободным умом называют того, кто мыслит иначе, чем от него ждут на основании его происхождения, среды, его сословия и должности или на основании господствующих мнений эпохи. Он есть исключение, связанные умы суть правило; последние упрекают его в том, что его свободные принципы либо возникли из желания выделяться, либо же заставляют в нем предполагать свободные

поступки, т. е. поступки, несоединимые со связанной моралью... К существу свободного ума не принадлежит то, что он имеет более верные мнения, а лишь то, что он освободился от всякой традиции, все равно, успешно или неудачно. Но обыкновенно он все же будет иметь на своей стороне истину или по крайней мере дух искания истины: он требует оснований, другие же – только веры [3, т. 1, с. 359–360]. В определенном смысле можно сказать, что с этого фрагмента Ф. Ницше приступил к разработке одной из наиболее продуктивных концепций в своей философии – учения о «свободных умах». Если одним из главных достижений Платона в построении трансцендентальной философии было учение о «подлинном философе» (трансцендентальном человеке), то достойным продолжателем этого философского учения основателя Афинской академии стал Ф. Ницше, который с высоты XIX в. значительно расширил и углубил представления о природе творчески устремленных высокодуховных людей, разработав эффективные мыслительные конструкты «свободный ум», «познающий человек», «теоретический человек», «свободный философ», а также впечатляющий образ «Заратустры». Я полагаю, что в совокупности эти воззрения Ницше составили мощное, самое главное достижение в его философии.

Результаты

В вышеприведенном фрагменте Ф. Ницше различает «свободные умы» и «священные умы». Последние опутаны сложившимися социокультурными связями и отношениями, мыслят традиционно («суть правило»), поэтому мало способны к плодотворной творческой деятельности. В то же время «свободные умы» призваны разрывать цепи традиций, авторитетов, устаревших стереотипов мышления и открывать перспективы для продвижения вперед и вверх к высокому Духу.

«Свободные умы», преодолевая словесные ограничения, существующие господствующие мнения, поступая вопреки существующей морали, желая выделиться, «есть исключения». «Свободный ум» окружают злорадия, обвинения в «умственной бестолковости или ненормальности». Однако, по мнению Ницше, его суждения «могут все же быть более правильными и достоверными». Главное, что «он все же будет иметь на своей стороне истину или по крайней мере дух искания истины». Именно среди подобного рода людей возникают великие творческие личности, гении. Он пишет: «По сравнению с тем, кто имеет на своей стороне традицию и не нуждается в обосновании своего поведения, свободный ум всегда слаб, особенно в действовании: ибо он знает слишком много мотивов и точек зрения и потому имеет неуверенную, неопытную руку. Каковы же средства, чтобы все же сделать его относительно сильным, так чтобы он по крайней мере мог пробиться и не погиб бесплодно? Как возникает сильный ум (*esprit fort*)? Это есть единичный случай общего вопроса о созидании гения. Откуда берется та энергия, та непреклонная сила и выдержка, с которой отдельный человек вопреки традиции стремится приобрести совершенно индивидуальное познание мира?» [3, т. 1, с. 362]. В дальнейшем на эти вопросы Ф. Ницше найдет глубокие и проникновенные ответы.

«Свободным умам» всегда приходится доказывать свое право на существование. «Свободные умы, – с горечью констатирует Ф. Ницше, – которые защищают свое дело перед судилищем связанных умов, должны доказать, что всегда существовали свободные умы, т. е. что свободомыслие обладает устойчивостью, затем что они не хотят быть обременительными и, наконец, что они в общем приносят пользу связанным умам; но так как они не могут убедить в последнем связанные умы, то им не приносит

пользы доказательство первого и второго пунктов» [3, т. 1, с. 362]. По моему мнению, чтобы выделиться из общей массы «связанных умов», «свободный ум» (философ, поэт, художник, композитор и др.) должен приобрести харизму, чтобы в него поверили и вознесли над всеми. Как мы знаем из истории развития мировой культуры, это важное событие в жизни «свободного ума» происходило самым необычным, порой невероятным, образом, когда он после долгих лет мытарства, нищенского существования вдруг становился великим поэтом, композитором, художником. Нередко харизма приходила к «свободному уму» после его смерти (Ницше, Ван Гог). Тогда он мог наблюдать за своей славой лишь Оттуда. «Свободным умам» следует смиренно следовать христианской мудрости: «Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем. И не совершил там многих чудес по неверию их» (Мф 13: 57–58) [1].

Для прояснения своеобразной природы «свободных умов» Ф. Ницше выделяет тип «деятельных людей», деятельность которых большей частью «неразумна» и лишена высших духовных устремлений. Он справедливо отмечает: «Деятельным людям обыкновенно недостает высшей деятельности – я разумею индивидуальную деятельность. Они деятельны в качестве чиновников, купцов, ученых, т. е. как родовые существа, но не как совершенно определенные отдельные и единственные люди; в этом отношении они ленивы. – Несчастье деятельных состоит в том, что их деятельность почти всегда немного неразумна. Нельзя, например, спрашивать банкира, накапливающего деньги, о цели его неутомимой деятельности: она неразумна. Деятельные катятся, подобно камню, в силу глупости механики. – Все люди еще теперь, как и во все времена, распадаются на рабов и свободных; ибо кто не имеет двух третей своего дня для себя,

тот – раб, будь он в остальном кем угодно: государственным деятелем, купцом, чиновником, ученым» [3, т. 1, с. 390]. Казалось, Ф. Ницше весьма странно и необоснованно называет самых богатых и почитаемых людей общества (банкиров, купцов, государственных деятелей) «рабами». Однако, следуя логике трансцендентально-экзистенциального дискурса Ницше, это действительно так. Подобно Платону и Аристотелю, которые полагали созерцательный образ жизни философа единственно достойным, немецкий философ также придерживался высших духовных принципов созерцательной жизни. «В знак того, – писал он, – что оценка созерцательной жизни понизилась, ученые соперничают теперь с деятельными людьми в своеобразной спешности наслаждения, так что они, по видимому, ценят этот способ наслаждения выше, чем тот, который присущ им самим и который действительно дает гораздо больше наслаждения. Ученые стыдятся otium (лат. “досуг, свободное время”. – В. М.). Но досуг и праздность есть благородное дело» [3, т. 1, с. 390]. Если для Платона, Аристотеля и Ницше досуг (свободное время) открывал возможность для духовно-нравственного развития, то во второй половине XIX в. досуг приобретал характер праздного существования, которое проницательный немецкий философ рассматривал «матерью всех пороков», однако не утратившего возможности для дальнейшего духовного развития. Деятельный образ жизни закрывает и эту мерцающую возможность.

Мудрый и проникновенный Ф. Ницше отмечал, может быть, самую главную жизненную силу «свободных умов». Они относительно автономны от непосредственного экзистенциального воздействия тут-бытия. Как талантливый писатель, он так описывает этот экзистенциальный аспект бытия свободных умов. «Люди свободомыслящие, – пишет трансцендентально мыслив-

ший Ницше, – живущие ради одного познания, легко найдут внешнюю цель своей жизни, свое окончательное положение в обществе и государстве и, например, охотно удовлетворятся небольшой должностью или имуществом, которого как раз достаточно для жизни; ибо они так устроят свою жизнь, что величайшее изменение внешних условий и даже переворот политического порядка не сможет ее опрокинуть. На все эти вещи они употребляют как можно меньше энергии, чтобы со всей накопленной силой и как бы с большим запасом воздуха для дыхания погрузиться в стихию познания. Лишь при этом условии они могут надеяться нырнуть глубоко и достигнуть дна. – От внешнего события такой ум охотно возьмет лишь краешек: он не любит вещи во всей широте и пространности их складок, ибо не хочет запутаться в них... В его образе жизни и мыслей есть некоторый утонченный героизм, который отказывается искать поклонения большой толпы, как это делает его более грубый брат, и склонен тихо брести по миру и уходить из мира. По каким бы лабиринтам он ни странствовал, через какие скалы ни протекал бы иногда его поток, – если он прорывается наружу, то движется светло, легко и почти бесшумно и открывает себя игре солнечного света вплоть до самого дна» [3, т. 1, с. 392–393]. Все правильно сказано. Я полагаю, что искренний Ницше в этом фрагменте многое писал от себя и про себя. Я бы только добавил, что это самоустранение от довлеющего обыденного бытия свободных умов вызвано необходимостью временного и мыслительного высвобождения и расширения пространства для напряженной внутренней работы мысли (писателя, ученого, философа, художника и др.).

Постулат свободы от обыденного бытия «свободного ума» предполагает его отстраненность от всесильного влияния женщины в его жизни. Поэтому они большей

частью обречены на образ жизни холостяка. Ф. Ницше писал: «Будут ли свободные умы иметь жен? В общем, я полагаю, что они, подобно вещим птицам древности, в качестве современных мыслителей и вещателей правды должны предпочитать летать в одиночку» [3, т. 1, с. 426]. «Женщины хотят служить и в этом находят свое счастье; свободный же ум не хочет, чтобы ему служили, и в этом находит свое счастье» [3, т. 1, с. 428]. Чтобы быть «свободным умом», способным к творчески-созидательной деятельности, в мирском бытии он должен быть отстраненным монахом. Поэтому для него одним из главных препятствий-искушений предстает чарующая, притягательная красота женщины. Скольких подающих надежды «свободных умов» ее могучая сила чувственно-вожделирующего совершенства перевела в невзрачные, спившиеся «связанные умы»! Любопытно отслеживать, как великие «свободные умы» решали эту исключительно важную проблему в жизни.

Чтобы иметь возможность творить, «свободный ум» должен всячески стремиться к освобождению от мелочных связей и отношений в обыденной жизни. «Все привычное, – утверждает Ф. Ницше, – стягивает вокруг нас все более крепкую сеть паутины; и вскоре мы замечаем, что нити стали веревками и что мы сами сидим внутри сети, как паук, который поймал самого себя и должен питаться собственной кровью. Поэтому свободный ум ненавидит все привычки и правила, все длительное и окончательное, поэтому он с болью постоянно разрывает сеть вокруг себя, хотя он вследствие этого и должен страдать от множества мелких и крупных ран, – ибо эти нити он должен оторвать от себя, от своего тела, от своей души» [3, т. 1, с. 426]. Когда «свободный ум» был богат, то достойные бытовые условия его существования обеспечивали рабы, слуги и др. Если «свобод-

ный ум» происходил из низших, неимущих слоев общества, ему приходилось мириться с необустроенностью быта, который нередко даже стимулировал его высокодуховную творческую деятельность.

Трансцендентально мысливший «свободный ум» Ф. Ницше весьма сурово оценивал современную ему культурную ситуацию. По его мнению, «нужно признаться, что наше время бедно великими моралистами, что Паскаль, Эпикут, Сенека, Плутарх теперь уже мало читаются... При чудовищном ускорении жизни дух и взор приучаются к неполному или ложному созерцанию и суждению, и каждый человек подобен путешественнику, изучающему страну и народ из окна железнодорожного вагона. Самостоятельное и предусмотрительное отношение к познанию теперь оценивается почти как своего рода помешательство; свободный ум обесцещен, в особенности учеными, которые в его способе рассматривать вещи не находят своей основательности и своего муравьиного прилежания и охотно хотели бы загнать его в отдельный уголок науки – тогда как он имеет совсем иную и более высокую задачу: стоя на уединенной позиции, повелевать всей армией ученых и эрудитов и указывать им пути и цели культуры» [3, т. 1, с. 389–390]. На мой взгляд, Ф. Ницше был слишком строг и несправедливо укорял эпоху последней трети XIX в. в отсутствии достойных свободных умов. Перечисление деятелей культуры, которых мы единодушно причисляем к великим, ученых, писателей, художников, композиторов, философов и др., заняло бы не одну страницу. Лишь современному читателю становится ясно, что прозорливый Ницше писал о начале XXI в., когда возвышенный Дух благочестия практически испарился в ценностно-мыслительном пространстве современной мировой культуры. В настоящее время почти не существует великих, глубоких мыслителей, писателей, худож-

ников, композиторов. Если они где-либо сохранились как последние «могикане», то их произведения не слушают, не читают, не изучают. В господствующем ментальном пространстве Духа наживы они чужие странники, их творения никому не нужны.

Подобно философу-писателю Платону, призывавшему в середине IV в. до н. э. эллинов к духовным высотам разума и высокой морали, писатель-философ Ницше во второй половине XIX в. обращался к «свободным умам» «подыматься к познанию». Читаем призыв мыслителя-писателя: «Итак, вперед по пути мудрости, бодрым шагом и с бодрым доверием! Каков бы ты ни был, служи себе самому источником опыта! Отбрось неудовольствие своим существом, прости себе свое собственное Я: ибо во всяком случае ты имеешь в себе лестницу с тысячью ступенями, по которым ты можешь подыматься к познанию. Эпоха, в которую ты мучительно чувствуешь себя заброшенным, славит тебя за это счастье; она зовет тебя изведать опыт, который, быть может, будет уже недоступен людям позднейшего времени... Нужно пережить любовь к религии и искусству, как к матери и кормилице, – иначе нельзя стать мудрым. Но нужно уметь смотреть поверх них, перерасти их; оставаясь под их чарами, нельзя понять их... И всеми силами стремясь наперед предугадать, как еще завяжется узел будущего, ты придашь своей собственной жизни ценность орудия и средства познания. От тебя зависит, чтобы все, что ты переживаешь, – твои искания, ложные пути, ошибки, разочарования, страсти, твоя любовь и твоя надежда – без остатка растворилось в твоей цели. Эта цель состоит в том, чтобы самому стать необходимой цепью звеньев культуры и от этой необходимости заключать к необходимости в ходе всеобщей культуры. Когда твой взор достаточно окрепнет, чтобы видеть дно в темном колодце твоего существа

и твоих познаний, тебе, быть может, в его зеркале станут видимы и далекие созвездия будущих культур... Лишь со старостью откроешь тебе, что ты следовал голосу природы – той природы, которая управляет всем живущим через наслаждение: жизнь, имеющая свою вершину в старости, имеет свою вершину и в мудрости, в этом кротком солнечном блеске постоянной духовной радости; то и другое, старость и мудрость, ты встретишь на одном горном хребте жизни: того хочет природа. Тогда наступает пора, чтобы приблизился туман смерти, и нет повода гневаться на это. Навстречу свету – твое последнее движение; восторг познания – твой последний возглас» [3, т. 1, с. 393–394]. В книге «Человеческое, слишком человеческое» Ф. Ницше начал отчаянный поход против религии. В рассматриваемом фрагменте немецкий философ предлагает «пережить любовь к религии и искусству», «перерасти их» и продвигаться вперед и вверх по лестнице познания. Но именно подлинная религия, музыка, литература, живопись, трансцендентальная философия, задавая высшие духовно-нравственные цели и переживания, составляют высшие ценностно-мыслительные этажи мировой культуры. Во время работы Ф. Ницше над книгой «Человеческое, слишком человеческое» в его жизненном мире возникло главное противоречие между возвышенными трансцендентальными устремлениями, которые животворили его с раннего детства, и новыми антирелигиозными и нигилистическими воззрениями. По мере нарастания внутреннего конфликта психика Ницше будет сталкиваться со все большими трудностями его разрешения. Примечательно, что он продолжал вести образ жизни «свободного ума», рафинированного «трансцендентального человека».

В книге «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше существенно продвинулся в понимании трансцендентального человека.

В размышлении «О прославленных мудрецах» Ф. Ницше рисует почти аскетический образ «свободного ума», который «палимый солнцем» в пустыне, «голодный, сильный и одинокий» «разбивает себе сердце». Устами Заратустры Ницше говорил: «...кто же ненавистен народу, как волк собакам, – свободный ум, враг цепей, кто не молится и живет в лесах... Правдивым называю я того, кто идет в пустыни, где нет богов, и разбивает свое сердце, готовое поклониться. На желтом песке, палимый солнцем, украдкой смотрит он с жадностью на богатые источниками острова, где все живущее отдыхает под тенью деревьев... Быть голодным, сильным, одиноким и безбожным – так хочет воля льва. Быть свободным от счастья рабов, избавленных от богов и поклонения им, бесстрашным и наводящим страх, великим и одиноким, – такова воля правдивого. В пустыне жили исконно правдивые, свободные умы, как господа пустыни; но в городах живут хорошо откормленные, прославленные мудрецы – вьючные животные» [3, т. 2, с. 73–74]. Вдохновенный писатель Ницше, по существу, описывал суровую жизнь христианского монаха, прибавляя к нему характеристику «безбожный». Предельной целью и высшей ценностью для «свободного ума» Ф. Ницше было достижение кристальной чистоты и высоты духовно-нравственного развития («вершины горы»). Немецкий философ не знал, что для православных монахов достижение подобной высокой и благородной цели было необходимым условием, чтобы идти дальше к последней остановке – мистически-метафизическому созерцанию Господа.

Трансцендентальный экзистенциалист Ф. Ницше справедливо утверждал: «Дух есть жизнь, которая сама врывается в жизнь: своим собственным страданием увеличивает она собственное знание, знали ли вы уже это?» [3, т. 2, с. 74]. До Ницше это знали только индийские брахманы и отшельники,

православные монахи-исихасты и суфии в исламе.

В рассуждении «О духе тяжести» Ф. Ницше в закодированной образной форме развивает учение о трансцендентальном человеке. «Вскормленный скудной, невинною пищей, – пишет он, – готовый и страстно желающий летать и улетать – таков я: разве я немножко не птица! И особенно поэтому, что враждебен я духу тяжести, в этом также природа птицы... Кто научит однажды людей летать, сдвинет с места все пограничные камни; все пограничные камни сами взлетят у него на воздух, землю вновь окрестит он – именем “легкая”... Тяжелой кажется ему земля и жизнь; так хочет дух тяжести! Но кто хочет быть легким и птицей, тот должен любить себя самого, – так учу я» [3, т. 2, с. 138]. Под «птицей» Ницше понимал духовно развитого человека, который привык жить и «летать» в чистых и высоких потоках трансцендентального духа. «Дух тяжести» тянет человека к земле, к мирским страстям и вожделениям. Нужно быть душевно чистым, легким, как птица. Тогда ты сможешь сдвинуть «с места все пограничные камни».

Ф. Ницше показывает: из-за того, что лживые представления о себе затуманивают подлинную природу человека, трудно ему открыть самого себя. «Трудно открыть человека, – отмечает автор «Заратустры», – а себя самого всего труднее; часто жлет дух о душе. Так устраивает это дух тяжести. Но тот открыл себя самого, кто говорит: это мое добро и мое зло... Несчастливыми называю я всех, у кого один только выбор: сделаться лютым зверем или лютым укротителем зверей, – у них не построил бы я шатра своего... Ибо в том мое учение: кто хочет научиться летать, должен сперва научиться стоять, и ходить, и бегать, и лазить, и танцевать, – нельзя сразу научиться летать!.. Многими путями и способами дошел я до моей истины: не по одной лестнице подни-

мался я на высоту, откуда взор мой устремлялся в мою даль» [3, т. 2, с. 139–140]. Для чего понадобилось Ф. Ницше открывать в себе человека? По сути, он призывает духовно и нравственно очиститься, чтобы открыть и взрастить в себе трансцендентального человека. Немецкий философ признается, что его взор устремлен только вдаль к высокому Духу. Для достижения лучезарной, возвышенной мечты ему пришлось подниматься не по одной лестнице.

В весьма пространных рассуждениях «О старых и новых скрижалях» устами Заратустры Ф. Ницше сообщает о своей преобразующей, можно сказать, революционной роли в современной философии. «Никто не рассказывает мне ничего нового, – признается он, – поэтому я рассказываю себе о самом себе... Когда я пришел к людям, я нашел их застывшими в старом самомнении: всем им мнилось, что они давно уже знают, что для человека добро и что для него зло. Старой утомительной вещью мнилась им всякая речь о добродетели, и, кто хотел спокойно спать, тот перед отходом ко сну говорил еще о “добре” и “зле”. Эту сонливость встряхнул я, когда стал учить: никто не знает еще, что добро и что зло, – если сам он не есть созидатель! – Но созидатель – это тот, кто создает цель для человека и дает земле ее смысл и ее будущее: он впервые создает добро и зло для всех вещей» [3, т. 2, с. 141]. Как мы знаем, в XIX в. шел поступательный процесс трансформации классического философского дискурса в неклассический (А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор). Революционными философами этого столетия были К. Маркс и Ф. Ницше, которые «встряхнули» сонливое течение западной философии. Когда Ницше писал «Заратустру», Маркс (1818–1883) ушел в мир иной. Примечательно, что Ницше старался не замечать революционного философа из Трира, не упоминая его в произведениях.

Если Платон в диалоге «Государство», развивая учение о трансцендентальном человеке, называл его «подлинным философom», то Ницше называл его «созидающим, свободным умом». Таковым был его Заратустра, т. е. сам Ницше. Если, по мнению Платона, предельной целью подлинного философа было созерцание посредством очищенной мыслительной способности (разума) метафизического трансцендентального бытия самого по себе, то для ницшевского «созидающего ума» в качестве главной цели выступало создание новых ценностей, которые бы прокладывали новые пути развития европейского Духа. По мнению Ницше, «хотеть» освобождает: ибо хотеть значит созидать, – так учу я. И только для созидания должны вы учиться!» [3, т. 2, с. 149]. Он утверждал, что «созидающий – это тот, кто создает цель для человека и дает земле ее смысл и ее будущее: он впервые создает добро и зло для всех вещей. И я велел им опрокинуть старые кафедры и все, на чем только восседало это старое самомнение; я велел им смеяться над их великими учителями добродетели, над их святыми и поэтами, над их избавителями мира» [3, т. 2, с. 141]. Устремленный к открытию новых ценностей, Ф. Ницше пришел к жесткому отрицанию предшествующей высокодуховной традиции западноевропейской культуры, включая художественную литературу и поэзию. Однако, на мой взгляд, в действительности ничего подобного в сущностной глубине жизненного мира немецкого философа не происходило. В действительности он оставался хранителем развитого аристократического трансцендентального европейского Духа, и ярким подтверждением тому служит возвышенный образ Заратустры.

Если для Платона высшей способностью человека выступал его разум, который обеспечивал трансцендентальное познание метафизического бытия, то для Ф. Ницше

такovým было волевое начало. Заратустра провозглашает: «Познавать – это радость для того, в ком воля льва! Но кто утомился, тот сам делается лишь “предметом воли”, с ним играют все волны» [3, т. 2, с. 149]. Сила воли, незыблемость духовных принципов делает «созидающих несокрушимо. «Все созидающие именно тверды. И блаженством должно казаться вам налагать вашу руку на тысячелетия, как на воск, – блаженством писать на воле тысячелетий, как на бронзе, – тверже, чем бронза, благороднее, чем бронза. Совершенно твердо только благороднейшее» [3, т. 2, с. 155–156]. Примечательно, что Ницше, подобно Платону, рекомендует «отречься» от мирского бытия и его познания. В отличие от последнего он призывает отказаться от разума в жизнедеятельности человека, что было очевидной декларацией. Он указывал, что «свой собственный разум – ты должен сам задушить его: ибо это разум мира сего, – так научись ты сам отречься от мира» [3, т. 2, с. 148].

Созидающий Ницше, испытывая на себе трудности и невзгоды судьбы первопроходца, мужественно прокладывает свой путь в философии. Он писал: «Созидающего ненавидят они (добрые. – В. М.) больше всего: того, кто разбивает скрижали и старые ценности, разрушителя, – кого называют они преступником. Ибо добрые – не могут созидать: они всегда начало конца – они распинают того, кто пишет новые ценности на новых скрижалях, они приносят себе в жертву будущее, – они распинают все человеческое будущее!» [3, т. 2, с. 154]. Забытый, непризнанный, в тиши одиночества Ф. Ницше точно знал, что он работает для будущих поколений людей, что и произошло.

Заратустра не уставал повторять открытую им истину – «человек есть нечто, что должно преодолеть». Норма жизни человека – не плыть по течению, а все время преодолевать себя и подниматься выше. В фи-

лософии Ф. Ницше это означало восходить к конечной цели – сверхчеловеку. «Там же поднял я на дороге слово “сверхчеловек”, – пишет автор «Заратустры», – и что человек есть нечто, что должно преодолеть, – что человек есть мост, а не цель; что он радуется своему полдню и вечеру как пути, ведущему к новым утренним зорям... Поистине, я дал им увидеть даже новые звезды и новые ночи; и над тучами и днем и ночью раскинул я смех, как пестрый шатер. Я научил их всем моим думам и всем чаяниям моим: собрать воедино и вместе нести все, что есть в человеке отрывочного, загадочного и ужасно случайного, – как поэт, отгадчик и избавитель от случая, я научил их быть созидаателями будущего и все, что было, – спасти, созидая. Спасти прошлое в человеке и преобразовать все, что “было”» [3, т. 2, с. 142]. Человек должен «собрать в себе воедино» все духовно и нравственно достойное и «нести» все это по жизни, стать «созидателем будущего». «Рядом с нечистой совестью росло до сих пор все знание! Разбейте, разбейте, вы, познающие, старые скрижали!.. Идите своими дорогами! И предоставьте народу и народам идти своими! – поистине, темными дорогами, не освещаемыми ни единой надеждой!» [3, т. 2, с. 144, 152]. Ницше призывал идти по жизни светлыми дорогами, ведущими к духовно-нравственному развитию человека.

Темными, мирскими дорогами пусть ходят другие. Заратустра говорил: «Пусть царствует торгош там, где все, что еще блестит, – есть золото торгоша! Время королей прошло: что сегодня называется народом, не заслуживает королей. Смотрите же, как эти народы теперь сами подражают торгошам: они подбирают малейшие выгоды из всякого мусора!.. Они хищные звери: в их слове “работать” – слышится еще и грабить, в их слове “заработать” – слышится еще и перехитрить! Поэтому пусть оно трудно достается им! Так должны они стать лучшими

хищными зверями, более хитрыми, более умными, более похожими на человека: ибо человек есть самый лучший хищный зверь. У всех зверей человек уже ограбил добродетели их; поэтому из всех зверей человеку наиболее трудно достается пропитание его» [3, т. 2, с. 152].

Читаем важное откровение Ф. Ницше: «Теперь я жду своего избавления, – чтобы пойти к ним в последний раз. Ибо еще один раз пойду я к людям: среди них хочу я умереть, и, умирая, хочу я дать им свой богатейший дар!.. Так хочет этого характер душ благородных: они ничего не желают иметь даром, всего менее жизнь. Кто из толпы, тот хочет жить даром; мы же другие, кому дана жизнь, – мы постоянно размышляем, что могли бы мы дать лучшего в обмен за нее! И поистине, благородна та речь, которая гласит: «что обещает нам жизнь, мы хотим – исполнить для жизни!» Не надо искать наслаждений там, где нет места для наслаждения. И – не надо желать наслаждаться! Ибо наслаждение и невинность – самые стыдливые вещи: они не хотят, чтобы искали их. Их надо иметь, – но искать надо скорее вины и страдания!.. Отчаянное дерзновение, долгое недоверие, жестокое отрицание, пресыщение, надрезывание жизни – как редко бывает это вместе. Но из такого семени – рождается истина!» [3, т. 2, с. 143–144]. По-видимому, когда Ф. Ницше заканчивал третью часть «Заратустры», духовная сила и мощь этой книги становились для него очевидными. Понимая большую значимость наступающего момента, Ницше полагал, что он несет этой книгой людям «богатейший дар», может быть, последний, в обмен за собственную жизнь. Казалось, ведя непримиримую борьбу с «потусторонниками» и их «метафизической философией», он призывал к мирским радостям жизни. В действительности, подобно Сократу и Платону, он призывал не стремиться к чувственно-вожделирующим на-

слаждениям. Меня поражает его искреннее признание, что в отчаянном дерзновении он рождает истину. «Только еще птицы выше его (человека. – В. М.). И если бы человек научился еще и летать, увьи! – куда бы не залетала хищность его!» [3, т. 2, с. 152].

Ф. Ницше продолжает откровение: «Мое стремление к мудрости так кричало и смеялось во мне, поистине, она рождена на горах, моя дикая мудрость! – моя великая, шумящая крыльями тоска. И часто уносило оно меня вдаль, в высоту, среди смеха; тогда летел я, содрогаясь, как стрела, чрез опьяненный солнцем восторг: – туда, в далекое будущее, которого не видала еще ни одна мечта, на юг более жаркий, чем когда-либо мечтали художники: туда, где боги, танцуя, стыдятся всяких одежд, – так говорю я в символах и, подобно поэтам, запинаясь и бормочу: и поистине, я стыжусь, что еще должен быть поэтом!» [3, т. 2, с. 141–142]. «Дикая мудрость» Ницше по природе трансцендентальна («рождается в горах»), предстает перед ним как «шумящая крыльями тоска», устремленная в будущее. Усердному и вдумчивому читателю он подсказывает, что в поэтических образах «говорит символами». В «Заратустре» следует искать иные, более глубокие смыслы, чем те, которые лежат на поверхности.

Предисловие к книге «Человеческое, слишком человеческое», написанное в 1886 г., вызывает особый интерес, потому что носит исповедальный характер и таким образом позволяет заглянуть в жизненный мир позднего Ницше. Немецкий философ отметил: «...я еще живу; а жизнь уж так устроена, что она основана не на морали; она ищет заблуждения, она живет заблуждением... Я, старый имморалист и птицелов, – говорить безнравственно, вненравственно, “по ту сторону добра и зла”» [3, т. 1, с. 233]. Замечание Ницше относительно жизни было неточным применительно к европейцам XIX в., потому что большая их

часть старалась следовать добродетели. Это высказывание немецкого философа правдиво по отношению ко многим миллионам людей начала XXI в., которые, утратив трансцендентальное устремление к благочестию, предпочитают жить заблуждением. Поэтому в современном искусстве столь много фэнтези не только для детей и юношества, но и для взрослых. Мне хотелось бы защитить доброе имя глубокого мыслителя Ницше от страстно желавшего прославиться автора произведений Ницше. Он не был безнравственным имморалистом, вышедшим за границы всего дозволенного ни в жизни, ни в книгах. До 1886 г. сущностное ядро характера Ф. Ницше составлял устремленный к предельным высотам человеческого Духа трансцендентальный человек. Однако как в книге «По ту сторону добра и зла», так и в последующих произведениях Ницше эпатажно провозглашал, что находится по эту сторону традиционной морали. Ему не удалось создать альтернативную систему морали, при этом в жизни он был исключительно порядочным человеком.

Ф. Ницше сообщает читателю о непростом пути подлинного философа. «Однажды, когда мне это было нужно, я изобрел для себя и “свободные умы”, которым посвящена эта меланхолично-смелая книга под названием “Человеческое, слишком человеческое”; таких “свободных умов” нет и не было – но, повторяю, общение с ними было мне нужно тогда, чтобы сохранить хорошее настроение среди худого устройства (болезни, одиночества, чужбины, *acedia*, бездеятельности); они были мне нужны, как бравые товарищи и призраки, с которыми болтаешь и смеешься, когда есть охота болтать и смеяться, и которых посылаешь к черту, когда они становятся скучными, – как возмещение недостающих друзей. Что такие свободные умы могли бы существовать, что наша Европа будет иметь

среди своих сыновей завтрашнего и послезавтрашнего дня таких веселых и дерзких ребят во плоти и осязательно, а не, как в моем случае, в качестве схем и отшельнической игры в тени – в этом я менее всего хотел бы сомневаться. Я уже вижу, как они идут, медленно-медленно; и, может быть, я содействую ускорению их прихода, описывая наперед, в чем я вижу условия и пути их прихода?» [3, т. 1, с. 233]. Со «свободными умами» все было гораздо сложнее и проще, чем это подает автор одной из самых сильных идей в его философии. В европейской традиции все знаменитые философы начиная с Фалеса были «свободными умами». В эту когорту духовной элиты западноевропейской культуры входят ставшие знаменитыми творцами ее Духа ученые, писатели и поэты, художники и композиторы. Чтобы быть творцом новых ценностей, нужно обязательно стать «свободным умом». Без выполнения этого непростого условия ничего не получится. «Зависимые умы» никогда не были носителями и творцами новых представлений-ценностей. Они всегда шли в фарватере пути, проложенного «свободными умами», нередко более успешно.

Ф. Ницше, обобщая свой жизненный опыт, повествует о своем пути «свободного ума» в философии. Это замечательное описание я вынужден подавать в сокращении. «Можно предположить, что душа, – пишет он, – в которой некогда должен совершенно созреть и налиться сладостью тип “свободного ума”, испытала, как решающее событие своей жизни, великий разрыв и что до этого она была тем более связанной душой и казалась навсегда прикованной к своему углу и столбу... У людей высокой и избранной породы то будут обязанности – благоговение, которое присуще юности, робость и нежность ко всему издревле почитаемому и достойному, благодарность почве, из которой они выросли, руке, которая их вела, святилищу, в котором они научились

поклоняться; их высшие мгновения будут сами крепче всего связывать и дольше всего обязывать их. Великий разрыв приходит для таких связанных людей внезапно, как подземный толчок: юная душа сразу сотрясается, отрывается, вырывается – она сама не понимает, что с ней происходит. Ее влечет и гонит что-то, точно приказание; в ней просыпается желание и стремление уйти, все равно куда, во что бы то ни стало; горячее опасное любопытство по неоткрытому миру пламенеет и пылает во всех ее чувствах. “Лучше умереть, чем жить здесь” – так звучит повелительный голос и соблазн; и это “здесь”, это “дома” есть все, что она любила доселе! Внезапный ужас и подозрение против того, что она любила, молния презрения к тому, что звалось ее “обязанностью”» [3, т. 1, с. 233–234]. Пережить «великий разрыв» – универсальный закон для всех «свободных умов», открытый многоумным Ницше. Примечательно, что это великое открытие он подает не как философ – посредством спекулятивных рассуждений, а как проникновенный писатель, описывая движение экзистенциальной реальности от «связанной души» до прозрения своей свободы, что предстает особенно убедительным. У каждого «свободного ума» переживание «внезапного ужаса и прозрения» происходило по-разному, но оно происходило обязательно. Ницше запечатлел момент «рождения» «свободного ума», первотолчок, который в значительной мере предопределяет его дальнейший жизненный путь.

После сокровенного переживания «внутреннего разрыва» перед еще «несвободным умом» возникает необычная экзистенциальная ситуация, которую глубоко мысливший писатель Ницше описывает в деталях. Он пишет: «Это есть вместе с тем болезнь, которая может разрушить человека – этот первый взрыв силы и воли к самоопределению, самоустановлению цен-

ностей, эта воля к свободной воле... Одиночество окружает и оцепляет его, становится все грознее, удушливей, томительней... От этой болезненной уединенности, из пустыни таких годов испытания еще далек путь до той огромной, бьющей через край уверенности, до того здоровья, которое не может обойтись даже без болезни как средства и уловляющего крючка для познания, – до той зрелой свободы духа, которая в одинаковой мере есть и самообладание, и дисциплина сердца и открывает пути ко многим и разнородным мировоззрениям... до того избытка, который дает свободному уму опасную привилегию жить риском и иметь возможность отдаваться авантюрам – привилегию истинного мастерства, признак свободного ума!» [3, т. 1, с. 234–335]. Одиночество приходит в жизненный мир несформировавшегося «свободного ума», даже если он находится среди множества людей. Духовное одиночество и независимость – неперемное условие жизни «свободного ума», в экзистенциальном пространстве которого важнейшую роль играют два экзистенциала: «бьющая через край уверенность» в правоте своего дела и опасная готовность «жить риском».

Ниже Ницше описывает высшее экзистенциальное состояние «свободного ума», «то, ради чего», сказал бы Аристотель. Читаем этот замечательный фрагмент: «Среди этого развития встречается промежуточное состояние, о котором человек, испытавший такую судьбу, позднее не может вспомнить без трогательного чувства: счастье окружает его, подобно бледному, тонкому солнечному свету, он обладает свободой птицы, горизонтом и дерзновением птицы, чем-то третьим, в чем любопытство смешано с нежным презрением. “Свободный ум” – это холодное слово дает радость в таком состоянии, оно почти греет. Живешь уже вне оков любви и ненависти, вне “да” и “нет”, добровольно близким и добровольно да-

леким, охотнее всего ускользая, убегая, отлетая, улетающая снова прочь, снова вверх; чувствуешь себя избалованным, подобно всякому, кто видел под собой огромное множество вещей, – и становишься антиподом тех, кто заботится о вещах, которые его не касаются... Еще шаг далее в выздоровлении – и свободный ум снова приближается к жизни, правда медленно, почти против воли, почти с недоверием... Он чувствует себя так, как будто теперь у него впервые открылись глаза для близкого... Он был вне себя – в этом нет сомнения. Теперь лишь видит он самого себя, – и какие неожиданности он тут встречает! Какие неизведанные содрогания! Какое счастье даже в усталости, в старой болезни и ее возвратных припадках у выздоравливающего! Как приятно ему спокойно страдать, пряхть нить терпения, лежать на солнце!.. Мудрость, глубокая жизненная мудрость содержится в том, чтобы долгое время прописывать себе даже само здоровье в небольших дозах» [3, т. 1, с. 235–236]. Когда «свободному уму» неожиданно открываются причудливые ментальные пространства для мыслительной или поэтической работы, не существует силы, которая могла бы его остановить. Эти состояния называют апофеозом творчества. Самым главным в этот момент является не столько продуктивная творческая деятельность, сколько «прозрание», выход на более глубокий уровень незамутненного мышления.

Обсуждение

Из рассуждений Ф. Ницше следует, что последней фазой становления «свободного ума» становится осознание своей судьбы одинокого странника, предназначенного и обреченного творить новые истины, ценности и представления. Он полагал, что «в эту пору, среди внезапных проблесков еще необузданного, еще изменчивого здоровья, свободному, все более освобождающемуся уму начинает наконец уясняться та загадка

великого разрыва, которая доселе в темном, таинственном и почти неприкосновенном виде лежала в его памяти. Если он долго почти не решался спрашивать: “Отчего я так удалился от всех? Отчего я так одинок? Отчего я отрекся от всего, что почитаю, – отрекся даже от самого почитания? Откуда эта жестокость, эта подозрительность, эта ненависть к собственным добродетелям?” – то теперь он осмеливается громко спрашивать об этом и уже слышит нечто подобное ответу: “Ты должен был стать господином над собой, господином и над собственными добродетелями. Прежде они были твоими господами; но они могут быть только твоими орудиями наряду с другими орудиями. Ты должен был приобрести власть над своими “за” и “против” и научиться выдвигать и снова прятать их, смотря по твоей высшей цели. Ты должен был научиться понимать начало перспективы во всякой оценке – отклонение, искажение и кажущуюся телеологию горизонтов и все, что относится к перспективе, и даже частицу глупости в отношении к противоположным ценностям, и весь интеллектуальный ущерб, которым приходится расплачиваться за каждое “за” и каждое “против”. Ты должен был научиться понимать необходимую несправедливость в каждом “за” и “против”, несправедливость, неотрешимую от жизни, обусловленность самой жизни началом перспективы и его несправедливостью... Ты должен был...” – довольно, свободный ум знает отныне, какому “ты должен” он повиновался, и знает также, на что он теперь способен и что ему теперь – позволено... Наше назначение распоряжается нами, даже когда мы еще не знаем его; будущее управляет нашим сегодняшним днем» [3, т. 1, с. 236–237]. Проникновенный мудрец Ницше открывает главную пружину жизненного бытия «свободного ума». С одной стороны, «свободный философ» должен взрастить в себе господина над самим собой, который

бы понимал, контролировал и управлял «началом перспектив» его жизни, с другой – он должен верно знать, что не теперешнее мирское бытие, а будущее управляет его сегодняшним днем.

Ф. Ницше написал Предисловие к книге «Утренняя заря» осенью 1886 г. В самом начале он награждает благодарного читателя рассуждением о своей жизни «свободного ума», называя себя «жителем подземелья». Читаем его признание: «В этой книге выведен житель подземелья за работой – сверлящий, копающий, подкапывающий. Кто имеет глаза, способные рассмотреть работу на громадной глубине, тот может видеть, как он медленно, осторожно, терпеливо подвигается вперед, не чувствуя слишком больших неудобств от продолжительного лишения света и воздуха; можно сказать даже, что он доволен своей жизнью и работой во мраке... оставаясь непонятым, неясным, загадочным, потому, что он надеется иметь свое утро, свое искупление, свою утреннюю зарю?.. Я хотел там, внизу, сказать в этом предисловии, которое легко можно назвать последним прости, надгробным словом: я пришел назад и – я пришел оттуда. Не думайте, что я буду звать вас на такой же отважный шаг, или хотя бы только к такому одиночеству! Кто избрал себе такой путь, тот не найдет спутников. Никто не придет помочь ему; он должен быть готов один на все, что ни встретится ему – опасность, несчастье, злоба, ненастье. Он идет сам по себе... и его горечь, его досада состоят в этом “сам по себе”: на что, например, ему надобно знать, что даже друзья его не могут догадаться: где он, куда он идет? Что по временам они будут спрашивать себя: идет ли он вообще? Тогда предпринял я нечто такое, чего не каждый мог сделать, – я спустился в глубину, я начал рыть почву, исследуя ту старую веру, на которой мы, философы, возводили здания уже несколько тысячелетий, возводили все снова

и снова, несмотря на то что все эти здания рушились: я начал исследовать нашу веру в мораль. Вы не понимаете меня» [4, с. 6–7]. Писатель Ницше мастерски передал душевные переживания своей «подземельной» жизни. В полном одиночестве «на громадной глубине» европейской философии он мужественно «продвигался вперед», испытывая горечь и досаду от того, что ему приходится идти «самому по себе». Таким он видел свое предназначение и судьбу. Обиднее всего – «вы меня не понимаете».

Ниже Ницше продолжает приоткрывать тайны своего жизненного мира. Осмысливая свое существование, он пишет: «А чего только не оставил я позади себя! Это подобие пустыни, истощение, неверие, оледенение в самом разгаре юности, эта преждевременно вставная старость, эта тирания страдания, которую все еще превосходила тирания гордости, отклонившей выводы страдания, – а выводы и были самым утешением. – это радикальное одиночество, как необходимая оборона от ставшего болезненно ясновидческим презрения к человеку, это принципиальное самоограничение во всем, что есть горького, терпкого, причиняющего боль в познании, как то предписывало отвращение, постепенно выросшее из неосмотрительной духовной диеты и изнеженности – ее называют романтикой, – о, кто бы смог сопережить это со мною! А если бы кто и смог, он наверняка приписал бы мне нечто большее, чем эту толику дурачества, распушенности, “веселой науки”» [3, т. 1, с. 492–493]. В 42 года Ницше осмысливает приход бытия старости, «тирании страдания» и «принципиального ограничения во всем». Таково было телесное бытие Ницше, которое составляло психофизиологическую основу его духовного подвига.

Когда философ обладает крепким здоровьем, он без труда предается философским рассуждениям. Иной характер приобретает

мыслительный процесс для человека, переживающего непрерывное и продолжительное болезненное состояние. Имея большой опыт переживания мучительных страданий, проникновенный писатель Ф. Ницше, приободрившись временным улучшением здоровья, приоткрывает тайны творческой лаборатории: «Вы догадываетесь, что я не без благодарности хочу распрощаться с временем тяжкой хвори, выгоды которой еще и по сей день не оскудели для меня: равным образом догадываетесь вы и о том, что мне достаточно хорошо известные преимущества, которыми я при моем шатком здоровье наделен в сравнении со всякими мужланами духа. Философ, прошедший и все еще проходящий сквозь множество здоровий, прошел сквозь столько же философий: он и не может поступать иначе, как всякий раз перелагая свое состояние в духовнейшую форму и даль, – это искусство трансфигурации и есть собственно философия. Мы, философы, не вольны проводить черту между душой и телом, как это делает народ, еще менее вольны мы проводить черту между душой и духом» [3, т. 1, с. 495]. Надо полагать, Ф. Ницше не знал состояний, когда мог бы безмятежно философски рассуждать, не испытывая психического и физиологического давления болезненного тела. Поэтому для него душа, дух и тело представляли собой некое единое целое, весьма чувствительное и ранимое, которое обеспечивало поток его мыслей. Потому он полагал, что жизненный путь философа представляет собой прохождение «сквозь множество здоровий» и соответствующим этим жизненным состояниям философским представлениям («философиям»). В спекулятивном философском дискурсе это почти незаметно. В экзистенциальном философском дискурсе Ницше отмеченная им особенность просматривается достаточно четко.

Читаем замечательный фрагмент Ф. Ницше о том, каким образом болезнен-

ные тяготы влияют на философское творчество, когда «жизнь стала проблемой». «Мы не какие-нибудь мыслящие лягушки, – пишет автор книги «Веселая наука», – не объективирующие и регистрирующие аппараты с холодно установленными потрохами, – мы должны непрестанно рожать наши мысли из нашей боли и по-матерински придавать им все, что в нас есть: кровь, сердце, огонь, веселость, страсть, муку, совесть, судьбу, рок. Жить – значит для нас постоянно превращать все, что нас составляет, в свет и пламя, а также все, с чем мы соприкасаемся, – мы и не можем иначе. Что же касается болезни, разве мы в силах удержаться от вопроса, можем ли мы вообще обойтись без нее? Только великое страдание есть последний освободитель духа, как наставник в великом подозрении... Только великое страдание, то долгое, медленное страдание, которое делает свое дело, никуда не торопясь, в котором нас сжигают как бы на сырых дровах, вынуждает нас, философов, прогрузиться в нашу последнюю глубину и отбросить всякое доверие, все добродушное, заволакивающее, кроткое, среднее, во что мы, быть может, до этого вложили нашу человечность. Я сомневаюсь, чтобы такое страдание “улучшило”, но я знаю, что оно углубляет нас. Все равно, учимся ли мы противопоставлять ему нашу гордость, нашу насмешку, силу нашей воли... Доверие к жизни исчезло; сама жизнь стала проблемой. – Пусть не думают, впрочем, что непременно становишься от этого сычом! Даже любовь к жизни еще возможна – только любишь иначе... Но прелесть всего проблематичного, ликование иксом у таких более духовных, более одухотворенных людей столь велика, что это ликование, словно светлый жар, временами захлестывает поверх всяческой потребности в проблематичном, поверх всяческой опасности ненадежного, даже поверх ревности любящего. Нам ведомо новое счастье» [3, т. 1, с. 495–

496]. Описывая экзистенциальную реальность творческого процесса, Ф. Ницше отмечал, что тот происходит при напряжении всех духовных и физических сил, можно сказать, в пограничной ситуации. При этом он, по-видимому, с удивлением наблюдал, как страдание приводило к освобождению его духа, ему открывались «последние глубины» изучаемой реальности, и его внезапно озаряли изящные мысли, афоризмы и даже фрагменты. «Светлый жар» ликования переполнял его сердце и душу. Ради этого «нового счастья» стоило жить.

Ф. Ницше закончил самоанализ созидательной деятельности в философии описанием конечного духовного состояния. «Наконец, – пишет он, – чтобы не умолчать о самом существенном: из таких пропастей, из такой тяжкой хвори, также из хвори тяжкого подозрения, возвращаешься новорожденным, со сброшенной кожей, более чувствительным к щекотке, более злобным, с более истонченным вкусом к радости, с более нежным языком для всех хороших вещей, с более веселыми чувствами, со второй, более опасной невинностью в радости, одновременно более ребячливым и во сто крат более рафинированным, чем был когда-нибудь до этого. О, как противно теперь тебе наслаждение, грубое, тупое, смуглое наслаждение, как его обычно понимают сами наслаждающиеся, наши «образованные», наши богатые и правящие! С какой злобой внемлем мы теперь той оглушительной ярмарочной шумихе, в которой «образованный человек» и обитатель большого города нынче позволяет насиловать себя искусством, книгой и музыкой во имя «духовных наслаждений», с помощью духовных напитков!.. Нет, если мы, выздоравливающие, еще нуждаемся в искусстве, то это другое искусство – насмешливое, легкое, летучее, божественно безнаказанное, божественно искусное искусство, которое, подобно светлomu пламени, возносится в

безоблачное небо! Прежде всего: искусство для художников, только для художников! Мы после этого лучше понимаем, что для этого прежде всего нужно: веселость, всякая веселость, друзья мои! даже в качестве художника – я хотел бы это доказать. Мы теперь знаем кое-что слишком хорошо, мы, знающие; о, как мы теперь учимся хорошо забывать, хорошо не слишком-знать, как художники!.. Мы больше не верим тому, что истина остается истиной, если снимают с нее покрывало; мы достаточно жили, чтобы верить этому. Теперь для нас это дело приличия – не все видеть обнаженным, не при всем присутствовать, не все хотеть понимать и “знать”... Следовало бы больше уважать стыд, с которым природа спряталась за загадками и пестрыми неизвестностями. Быть может, истина – женщина, имеющая основания не позволять подсматривать своих оснований?.. О, эти греки! Они умели-таки жить; для этого нужно храбро оставаться у поверхности, у складки, у кожи, поклоняться иллюзии, верить в формы, звуки, слова, в весь Олимп иллюзии! Эти греки были поверхностными – из глубины!» [3, т. 1, с. 496–497]. Получается, что после неизъяснимых страдальчески-благоговейных переживаний, сопровождавших сладкие муки рождения мысли, Ницше как бы вошел в иное, более возвышенное духовно-мыслительное пространство, которое называл новым здоровьем и новой философией. Он чувствовал себя «новорожденным, со сброшенной кожей». Примечательно то, что у него возникало желание оставаться на поверхности, «поклоняться иллюзии». Быть на поверхности, глядя из глубины!

Заключение

Великий философ Ф. Ницше всегда был трансцендентальным человеком, подлинным «свободным умом», что предопределило глубину его философской мысли. В последние годы философской деятельности у него начали набирать силу нигилисти-

ческие умонастроения, что привело к обострению конфликта в психике. Поэтому не философия воли к власти, а учение о «свободном уме» является главным философским достижением Фридриха Ницше. Если высокоумный Платон создал мыслительный конструкт образцового человека, которого он назвал «подлинным философом», то проникновенный Ницше существенно углубил и расширил о нем представления, раскрыв сложную и противоречивую природу «свободных умов». Если Платон большей частью разрабатывал разумно-добродетельную природу «трансцендентального человека», то Ницше преимущественно изучал возникновение, развитие

и жизненное бытие «свободных умов» как творцов новых ценностей. История западноевропейской цивилизации убедительно показывает, что «свободные умы» (философы, ученые, писатели и поэты, художники и композиторы) были локомотивами культурно-исторического процесса. Они были носителями и творцами высших достижений европейского Духа благочестия. Печально, что господство Духа наживы в настоящее время препятствует возвращению и активной созидательной деятельности творцов высокодуховных произведений и ментальное пространство западноевропейской цивилизации все более упрощается и деградирует.

Библиографический список

1. Библия. Синодальный текст. – М. : Виссон, 2016. – 1269 с.
2. Мешков В. М. Трансцендентальное мышление Платона (восхождение к трансцендентальной философии) : в 2 т. – Полтава : ПП Астроя, 2019. – Т. 1. – 391 с.
3. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – 829 с.
4. Ницше Ф. Утренняя заря. – ОМИКО. – 1881. – 20 с.

References

1. Bible. Synodal text. Moscow, 2016, 1269 p.
2. Meshkov V. M. Plato's transcendental thinking (ascent to transcendental philosophy): in 2 vol. Poltava, 2019. V. 1. 391 p.
3. Nietzsche F. Works: in 2 vol. Moscow, 1990. 829 p.
4. Nietzsche F. Morning Dawn. 1881, 20 p.

Поступила 07.02.2020.

Сведения об авторе

Мешков Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Полтавский национальный педагогический университет им. В. Г. Короленко (Полтава, Украина). Сфера научных интересов: тематический анализ осевого времени, русской и украинской культур, метафизика, философия Платона и Аристотеля. Автор более 100 научных и учебно-методических работ, в том числе 4 монографий, 1 учебника (в соавторстве).

E-mail: slava.home@gmail.com

Submitted 07.02.2020.

About the author

Vyacheslav M. Meshkov – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Korolenko Poltava National Pedagogical University (Poltava, Ukraine). Research interests: thematic analysis of axial time, Russian and Ukrainian cultures. The author of more than 100 scientific publications, including 2 monographs, 3 textbooks.

E-mail: slava.home@gmail.com